

Банников Андрей Валерьевич

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА

"Деяния" Аммиана Марцеллина - это наиболее значимый литературный источник IV в. Сведения, которые использовал Аммиан, были им тщательно подобраны и проверены. Часть из них основана на его личных воспоминаниях, другая была получена из официальных документов или сочинений очевидцев и непосредственных участников происходивших событий. Вместе с тем, специфика штабной службы будущего историка наложила отпечаток на все его повествование, заставив Аммиана избегать детальных описаний действий армии на поле боя, которых мы были бы вправе ожидать от полевого офицера.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/6/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С. 19-25. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94(37).08

Исторические науки и археология

«Деяния» Аммиана Марцеллина – это наиболее значимый литературный источник IV в. Сведения, которые использовал Аммиан, были им тщательно подобраны и проверены. Часть из них основана на его личных воспоминаниях, другая была получена из официальных документов или сочинений очевидцев и непосредственных участников происходивших событий. Вместе с тем, специфика штабной службы будущего историка наложила отпечаток на все его повествование, заставив Аммиана избегать детальных описаний действий армии на поле боя, которых мы были бы вправе ожидать от полевого офицера.

Ключевые слова и фразы: Аммиан Марцеллин; Римская империя; доместики-протекторы; меморандум Ориазия; золотые венки; онагр; военная терминология.

Банников Андрей Валерьевич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elephantomasha@mail.ru.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИСТОРИЧЕСКОГО МЕТОДА[®]

Среди литературных источников по истории Поздней Римской империи «Деяния» (*Res gestae*) Аммиана Марцеллина занимают особое место. Римская историография IV в. фактически замыкалась на малых жанрах: бревиариях и эпитамах, представлявших собой собрания выдержек из сочинений предшественников [7, с. 7]. На подобном фоне «Деяния» выглядят чем-то из ряда вон выходящим. «После того падения исторической литературы на латинском языке, в каком она пребывала в течение II и III веков, с той высоты, на какой она стояла в лице Тацита, Аммиан представляет явление, совершенно неожиданное» [8, с. XV].

«Деяния» были задуманы автором как продолжение сочинений Тацита и состояли первоначально из 31-й книги. Однако утрата первых 13-ти книг лишила нас важнейшей информации, касавшейся военной политики Диоклетиана (284-305 гг.) и Константина (306-337 гг.). От всего труда остались только последние 18 книг (с XIV по XXXI), охватывающие период с 353 г. по 378 г.

Прежде чем стать историком, Аммиан долгое время провел на военной службе [3, с. 28, 34-35]. Поэтому неудивительно, что рассказы о боевых действиях и различных сторонах армейской жизни занимают в его сочинении очень важное место. Основные сведения о личности Аммиана, которыми мы располагаем, сохранены в тексте «Деяний» самим автором. Завершая свой труд, Аммиан называет себя «солдатом и греком» [1, с. 524]. Отдельные замечания, сделанные им по ходу изложения, действительно позволяют утверждать, что будущий историк достаточно долгое время служил в армии, а, следовательно, практически, а не понаслышке, был знаком с различными сторонами военного дела.

Аммиан родился около 333 г. Эту дату можно определить лишь приблизительно, основываясь на том факте, что в 353 г., когда магистр Урзицин был отозван в Медиолан, Аммиан был одним из самых молодых офицеров, находившихся в его свите [Там же, с. 100]. Следовательно, ему едва ли было намного больше 20-ти лет. Место рождения Аммиана точно неизвестно. Наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой он происходил из Антиохии-на-Оронте. В поддержку этой гипотезы говорит тот факт, что Аммиан подчеркивает особое значение этого города и всегда с восхищением пишет о нем [Там же, с. 44-45]. Еще одним доводом в пользу антиохийского происхождения Аммиана может служить его общение с известным ритором Либанием, который сам был уроженцем Антиохии. Сохранились письма Либания, в которых он обращается к своему адресату «любезный Аммиан»; содержание писем указывает на то, что Аммиан, состоявший в переписке с Либанием, был в прошлом военным и написал сочинение, получившее признание во время публичных чтений в Риме [8, с. XIV].

Некоторые обстоятельства указывают на то, что Аммиан происходил из знатной семьи. Сам он называет себя «человеком благородного звания» [1, с. 176]. Еще один аргумент – его служба в корпусе протекторов-доместиков [Там же, с. 68]. Причем Аммиан состоял в этом элитном воинском подразделении с самого юного возраста, что было возможно только для тех, чьи отцы добились высоких постов на военной или гражданской службе. Хорошее знание латинского языка – факт весьма необычный для восточного грека, предпочтение военной карьеры гражданской и служба доместиком заставляют видеть в отце будущего историка военного, вероятно, офицера высокого ранга.

Вокруг служебной карьеры Аммиана до сих пор ведется дискуссия. Исследователи его труда не раз пытались реконструировать профессиональную сторону его жизни, но были озадачены тем, как он рассказывает о своем участии в происходивших событиях. Довольно подробно Аммиан повествует о времени с 353 г. по 359 г., когда он служил в свите Урзицина. Описание войны на востоке в 359 г. основывается на его собственных воспоминаниях. После этого, однако, он вдруг перестает перечислять случаи из своей карьеры. О восточном походе Юлиана Аммиан сообщает от первого лица, тем самым подтверждая, что находился в рядах армии. Однако это описание представляется исключением.

Определенно мы можем утверждать, что Аммиан вступил в корпус *protectores domestici* около 350 г. [Там же, с. 46, 68, 100] и был прикомандирован к штабу магистра конницы Урзицина. В 356/7 гг., когда армия под командованием Юлиана вела боевые действия против аламаннов, Урзицин находился в Галлии [Там же, с. 87]. Несомненно, что Аммиан по-прежнему оставался при нем, что заставляет воспринимать его рассказ об этих событиях как слова очевидца. В 357 г. в свите Урзицина будущий историк следует на Восток, где принимает самое деятельное участие в войне против персов [Там же, с. 100, 161]. В 363 г. Аммиан находится в составе армии Юлиана, отправившейся вглубь персидских владений [Там же, с. 305]. После гибели императора он, очевидно, оставил военную службу [8, с. XII].

Стремясь объяснить обилие личной информации для одних лет и относительный недостаток для других, исследователи обычно приходят к выводу, что Аммиан покинул службу после отставки Урзицина в 360 г. Но тогда возникает проблема: если Аммиан ушел из армии в 360 г., то как тремя годами спустя он мог принимать участие в походе Юлиана? Отвечая на этот вопрос, некоторые допускают, что Аммиан предложил свои услуги в качестве военного из уважения к молодому императору. Другие допускают, что в этот промежуток времени он продолжил службу в какой-нибудь отдаленной провинции [28, р. 11]. В основе этих гипотез лежит мнение, что ни один из офицеров римской армии не мог находиться в ее рядах и столь длительное время оставаться не у дел [18, р. 101].

Предполагается, что в 80-е годы Аммиан переезжает в Рим, где приступает к написанию своего труда. Работа над книгой была, возможно, закончена около 390 г. В доказательство данного предположения приводится тот факт, что, сообщая об александрийском Серапиуме, Аммиан ничего не говорит о его разрушении в 391 г. [8, с. XIV; 9, с. 19].

Существует мнение, что сохранившаяся до нашего времени часть «Деяний» была написана Аммианом главным образом на основании его личных впечатлений [18, р. 102-103], и этот факт будто бы весьма негативно отразился на достоверности собранных сведений [13, с. 42].

Подобная точка зрения не выдерживает критики. Не возникает никакого сомнения в том, что Аммиан полагался не только на собственные воспоминания и заметки о событиях, участником которых ему довелось быть. Многое было записано им со слов других очевидцев [6, с. 135; 18, р. 92]. Кроме того, историк широко привлекал разнообразные литературные источники [1, с. 93]. Так, уже Г. Дельбрюк считал, что рассказ Аммиана о битве при Аргенторате основан на личных мемуарах Юлиана [5, с. 191].

Долгое время исполняя обязанности штабного офицера, Аммиан, несомненно, по долгу службы имел доступ к самым различным документам, стекавшимся в ставку Урзицина [6, с. 135, 137]. Отсюда те уникальные сведения, которые он, например, сообщает о секретном письме нотариуса Прокопия, отправленного в Персию для заключения мирного договора [1, с. 141, 156-157].

В тексте «Деяний» неоднократно встречаются ссылки на источники официального характера [6, с. 137]. Поэтому не исключено, что Аммиан имел возможность привлекать и различные документы из императорских архивов (*tabularii principis publicii*).

Некоторые исследователи допускают, что Аммиан мог пользоваться заметками современников, так и не ставшими полноценными историческими сочинениями. Одним из таких источников мог быть так называемый *меморандум* личного врача Юлиана Оривазия, составленный им в помощь молодому историку Евнапию [22, р. 188]. К такому выводу подводит сравнение описания персидского похода у Аммиана, во фрагментах «Истории» Евнапия и в труде Зосима [Ibidem, р. 187-188]. Во всех трех источниках сообщается об одних и тех же фактах, для более детального рассказа избраны одни и те же события.

Считается установленным, что при написании «Новой истории» Зосим использовал труд Евнапия [Ibidem, р. 184-185]. Однако остается до конца не выясненным вопрос, как связаны друг с другом произведения Аммиана и Евнапия. Возможны два случая:

- 1) один из этих историков воспользовался трудом другого;
- 2) оба они воспользовались одним и тем же источником.

В пользу того, что Евнапий прибег к заимствованиям из текста Аммиана, говорит, прежде всего, тот факт, что он был младшим современником Аммиана, а, следовательно, существует большая доля вероятности, что он мог читать «Деяния». Против этой гипотезы можно выдвинуть два аргумента: во-первых, сам Евнапий называет основным источником своих сведений о Юлиане *меморандум*, составленный для него Оривазием; во-вторых, в сохранившихся до нас фрагментах рассказ Евнапия более подробен, нежели у Аммиана [Ibidem, р. 188].

Теория о прямом заимствовании Аммианом из сочинения Евнапия также не находит достаточно веских подтверждений в тексте, поэтому представляется более вероятным, что и Аммиан, и Евнапий воспользовались одним и тем же документом, а именно, *меморандумом* Оривазия [Ibidem].

За время, прошедшее с момента первого издания «Деяний», сочинение Аммиана было досконально изучено и прокомментировано. Казалось бы, сведения, которые использовал автор, были им тщательно подобраны и проверены, поэтому на них вполне можно положиться. Однако спор о том, следует ли безоговорочно доверять Аммиану, не утихает до сих пор [26, р. 22-26].

В зарубежной, прежде всего немецкой, научной литературе отношение к труду Аммиана долгое время было недоверчивое и скептическое. Уже А. Мюллер, давая оценку «Деяниям» как источнику по военной истории IV в., заявил, что «добыча, которую можно получить от Аммиана, не столь уж велика, как это можно было бы ожидать от солдата» [24, S. 573]. В последние три десятилетия достоверность информации Аммиана,

особенно его компетентность в военном деле и его намерение показать армию такой, какой она была в действительности, вновь были поставлены под сомнение [27, р. 38]. Сторонники этого направления полагают, что в рассказах о сражениях при Аргенторате или Адрианополе, а также осаде Амиды нет исторической реальности, и в основе их лежат описания, извлеченные из Гомера или Вергилия [25, р. 275]. Сам Аммиан будто бы был дилетантом, знакомство которого с военным делом было поверхностными и кратковременным, поэтому он умышленно избегает деталей и технических терминов, а в тех случаях, когда пытается дать своему читателю какие-то развернутые объяснения, делает это путано и неясно. Наглядным примером тому могут служить описания метательных и осадных машин, которые охотно приводит Аммиан.

Такая на первый взгляд трудно объяснимая для профессионального военного позиция заставляет историков отказывать Аммиану в доверии даже тогда, когда приводимая им информация не только не противоречит нашим знаниям, но и подтверждается другими источниками. Так, многочисленные римские, византийские, армянские и арабские писатели сообщают об использовании персами в сасанидскую эпоху боевых слонов. Однако Ф. Рейнс приходит к выводу, что все рассказы о персидских слонах, встречающиеся в *Res gestae*, порождены всего лишь желанием Аммиана создать в глазах своего читателя героический образ римской армии [11, с. 6]. «...Цель Аммиана, – утверждает он, – состоит в акцентировании или даже преувеличении громадного мужества римской армии перед лицом отчаяния и гнетущих трудностей...» [Там же, с. 17]. По мысли Ф. Рейнса, подлинная роль слонов в сасанидских армиях была совершенно не такой, какой она представлена в «Деяниях»: «На поле боя никогда не выходило большое количество “боевых слонов”, в противоположность многочисленным гужевым животным обозам» [12, с. 49].

Аммиана уже давно упрекают в неясности, а порой даже противоречивости в отношении военной терминологии. В своем сочинении он постоянно упоминает о легионах, нумерах, когортах, центуриях, манипулах, турмах и ауксилиях [2, с. 168-173]. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что часто он не делает между этими названиями различий и использует их совершенно произвольно.

Сложности терминологического характера касаются не только обозначений воинских подразделений. Аммиан нигде практически не использует названия современных ему видов вооружения. Он ничего не сообщает о *плюмбатах* или *манубаллистах*, о которых хорошо знают его современники, – анонимный автор трактата «О военных делах» (*De rebus bellicis*) и Вегеций. Аммиан ни разу не употребил термина *spatha* – современного ему названия меча, предпочитая использовать традиционное и уже утратившее свое специфическое значение слово *gladius*. Совершенно неуместным в тексте «Деяний» выглядят повторяющиеся упоминания о *литу* (*lituus*) – небольшом сигнальном горне, загнутом кверху в виде буквы «J» [4, с. 245; 17, р. 189]. *Lituus* исчез из римской армии уже в период Поздней Республики (I в. до н.э.). Тем не менее, сам термин продолжал оставаться в ходу и в императорскую эпоху, но использовался только в поэтических текстах [17, р. 190]. Вегеций, описывая традиционные римские военные музыкальные инструменты, ничего не говорит о *литу* [14, с. 220], и это служит наглядной демонстрацией того, что подобный инструмент уже давно вышел из употребления.

Однако у Аммиана термин *lituus* встречается довольно часто [1, с. 43, 98, 168]. Выражение *signo per lituos dato* («когда затрубили горны»), которое не единожды повторяется в «Деяниях», – обычное клише, означающее начало или прекращение военных действий [23, р. 88]. Поэтому Аммиан может использовать его не только, когда ведет рассказ о римской армии, но также и когда речь идет о противниках римлян [1, с. 504].

Склонность Аммиана к устаревшей терминологии и интерполяциям из трудов знаменитых предшественников заставляет его утверждать, что современная ему метательная машина онагр называлась прежде «скорпионом» (*scorpio*) [Там же, с. 283]. Хорошо известно, что термин *scorpio* использовался для обозначения катапульты небольших размеров [17, р. 279]. Этот факт подтверждается Вегецием, который, в отличие от Аммиана, вполне точно знает, к какому классу машин относились *скорпионы* и правомерно сопоставляет их с современными ему *манубаллистами* [14, с. 279].

Слово *onager*, имеющее греческое происхождение, вошло в латинский язык в своем первоначальном значении «дикий осел» [10, с. 351]. В латинских текстах оно обозначает боевую машину только у Аммиана и Вегеция, что служит наглядным доказательством того, что к IV в. греческий термин стал частью латинского армейского лексикона. Но Аммиан, ориентировавшийся на использование классической военной лексики, не мог найти у своих предшественников (Цезаря, Тацита, Ливия и Саллюстия) упоминания о машинах, называвшихся «онаграми». В их трудах говорится лишь о катапультах, баллистах и скорпионах. В отличие от первых двух терминов, по-прежнему использовавшихся на практике, *scorpio* уже давно вышел из употребления. Поэтому Аммиан, желая как можно полнее внедрить традиционную терминологию в ткань своего труда, придумывает вполне логичное, с его точки зрения, объяснение, которое давало, прежде всего, ему самому уверенность в том, что древний скорпион ничем не отличался от современного онагра: «Эта машина, – пишет Аммиан, – называется... скорпионом, потому что она имеет торчащее вверх жало; новейшее время дало ей еще название онагра, ибо дикие ослы, будучи преследуемы на охоте, брыкаясь назад, мечут такие камни, что пробивают ими грудь своих преследователей или, пробив кости черепа, разможжают голову» [1, с. 283-284].

Не менее сомнительными представляются порой сообщения Аммиана о современных ему воинских обычаях и традициях. Так, повествуя о событиях, последовавших за форсированием римлянами канала Нармальха и битвой с персами на его берегу, Аммиан пишет, что Юлиан решил наградить отличившихся солдат венками (*coronae*) [Там же, с. 322]. Вместе с тем, нам известно, что с эпохи Северов наградой за храбрость служили продвижение по службе и денежные подарки [19, р. 66]; поэтому упоминание венков выглядит

очевидным анахронизмом [Ibidem]. Странными представляются и детали описанного Аммианом эпизода, поскольку наградой за выигранное сражение стали *морские* (*coronae navales*), *гражданские* (*coronae civicae*) и *лагерные* (*coronae castrenses*) венки [1, с. 322]. Можно представить, что послужило причиной награждения солдат *гражданскими венками*, дававшимися за спасение римского гражданина, но совершенно неуместным в данной ситуации кажется упоминание о *coronae navales* – золотых венках с изображением корабельных роостр, которыми награждались солдаты, проявившие храбрость в морских сражениях, или о *coronae castrenses* – золотых венках, которыми награждали солдат, первыми врывавшихся во вражеский лагерь: ни о морском сражении, ни о захвате персидского лагеря речи в отмеченном эпизоде не идет.

В другом месте Аммиан передает, что Юлиан, занимаясь строевой подготовкой, маршировал под звуки флейты (*fistula*) [Там же, с. 90]. Но ни в «Деяниях», ни в каком-либо ином источнике того же периода мы не находим сведений о том, что флейтисты своей игрой задавали ритм движения войскам. У нас вообще нет доказательств того, что римляне когда-либо использовали в военных целях этот музыкальный инструмент. Показывая нам наступающую римскую армию, сам Аммиан утверждает, что солдаты шли «в анапестическом такте под звуки песни» [Там же, с. 321], но не под игру флейт. Таким образом встает вполне закономерный вопрос: зачем Юлиан должен был обучаться тому, что не находило применения в современной ему армии?

Каким образом можно объяснить все эти особенности текста Аммиана, кажущиеся многим специалистам подозрительными? Был ли Аммиан человеком, хорошо знавшим военную среду и предмет, о котором писал, или же его знакомство с армией было недолгим и недостаточно близким?

Возможно, причину отмеченных выше ошибок нужно видеть в том, что правдивое отражение действительности было не единственной целью, которую преследовал Аммиан, принимаясь за свой, в прямом смысле слова, эпохальный труд. Завет, который он дает грядущим поколениям историков – «придать своей речи более высокий полет» [Там же, с. 524], – ставит перед учеными вполне правомерный вопрос, не было ли для Аммиана стремление приукрасить и обогатить язык препятствием для достижения главной цели – следовать истине, – о чем всегда так охотно заявляли античные историки.

Не будем забывать, что за плечами Аммиана стояла многовековая традиция латинского историописания, в которой существовали определенные правила и каноны. Как показывают специальные исследования, Аммиан охотно обращался к трудам великих римских историков прошлого, что нашло свое выражение в подражании им или прямых заимствованиях из их сочинений [20, р. 420-438]. Аммиан умышленно ориентировался на эту мощную традицию, делая собственные описания, по возможности, похожими на те, что встречались у Тацита, Ливия, Саллюстия и Цезаря. Именно поэтому он очень часто употребляет технические термины и выражения, ставшие в позднеантичную эпоху архаизмами, но считавшиеся более уместными для использования их в литературной речи [21, р. 12, 67]. Желание историка внедрять в свой текст «классическое наследие» привело к ярко выраженной бессистемности в изложении, что и вызывает недоумение у современных специалистов [2, с. 168]. «Словарь его пестрит заимствованиями у других писателей. Чужие выражения, обороты, целые фразы, взятые у поэтов и прозаиков – без разбора от Плавта до Апулея, – местами придают языку Аммиана характер какой-то мозаики. Нередко эти заимствованные блестящие употреблены невпопад, а потому лишь затемняют и извращают смысл того, что хотел сказать писатель. Еще хуже синтаксическое построение речи. Аммиан нагромождает сокращенные конструкции придаточных предложений под влиянием родного ему греческого языка, где, вследствие обилия причастных форм, гораздо легче отделить соотношение сокращенных придаточных предложений: в латинском же языке Аммиана это стремление к компактности приводит нередко к неясности и спутанности конструкций» [8, с. XIV]. Подобный подход, как нам представляется, объясняет тот терминологический хаос, который мы наблюдаем у Аммиана, когда речь заходит об определении статуса различных подразделений.

Стремлением Аммиана архаизировать повествование, а, возможно, придать ему определенный поэтический оттенок, объясняются и неоднократные упоминания в тексте «Деяний» о *литу*. Проецируя реалии ушедшей эпохи на собственное время, Аммиан показывает нам Юлиана, раздающего солдатам традиционные для римской армии периода Ранней Империи боевые награды; но поскольку прежняя наградная система была забыта уже более века назад, историк с трудом представляет себе, за какой подвиг вручался каждый из перечисленных им венков, отсюда и неуместное появление в его рассказе *corona navalis* или *corona castrensis*.

Сообщение о том, что Юлиан учился маршировать под звуки флейты, напоминает об известном пассаже «Истории» Фукидида, в котором описывается, как спартанцы наступали в такт мелодии, исполняемой флейтистами [15, с. 253]. Очевидно, Аммиан хотел показать своему читателю, что Юлиан, подобно древним спартанцам, считал, что в бою было необходимо смирять свой пыл и сохранять холодный рассудок. Вероятным представляется также и то, что описание медленно наступающей в анапестическом такте под звуки песни римской армии появилось у Аммиана благодаря его прямому или опосредованному знакомству с рассказом Фукидида. Вставлен же этот эпизод был только из желания героизировать римлян, уподобив их непобедимым лакедемонянам.

Возможно, стремление Аммиана как можно больше вводить в свое повествование устаревших терминов и понятий объясняется тем, что, адресуя свой труд, прежде всего, образованным римским сенаторам, для которых историческое произведение ассоциировалось, в первую очередь, с сочинениями Саллюстия, Цезаря, Ливия и Тацита, он неотступно следовал всем правилам, продиктованным ему традицией.

Не исключено также, что желание Аммиана создать текст, который имел бы как можно больше общего с трудами великих историков Рима, было не единственным, что наложило столь характерный отпечаток на

его стиль. Не будем забывать, что рассказ о минувших событиях Аммиан начал со времен Нервы. Следовательно, используя сочинения авторов конца I в. – III в., он поневоле должен был прибегать к употреблению терминов, точные значения которых были уже непонятны ему самому. Переходя к описанию событий, современником, а зачастую и свидетелем которых ему довелось быть, Аммиан принужден был сохранять стиль и лексический набор первой части своего произведения. Это желание избежать терминологического разрыва между двумя различными историческими периодами привело, в конечном итоге, к наложению реальных прошлого на события настоящего.

Несмотря на отмеченные недостатки в отражении Аммианом современных ему военных реалий, многие исследователи его творчества сходятся во мнении, что сведения, приводимые в «Деяниях», в целом точны, а трактовки тех или иных событий основываются, как правило, на объективных доказательствах [6, с. 134]. Сам Аммиан неоднократно напоминает своему читателю, каких принципов он стремится придерживаться, заявляя, что рассказал обо всем с предельной достоверностью [1, с. 85], поскольку, по его мнению, историческому повествованию подобает «полное беспристрастие» [Там же, с. 500]. «Насколько я мог разузнать истину, – пишет Аммиан, – я изложил последовательно как то, что довелось мне видеть как современнику, так и то, что можно было выведать у непосредственных свидетелей при тщательном опросе. Дальнейшее повествование я постараюсь вести по мере сил еще более детально, не опасаясь упреков в излишней растянутости изложения, потому что краткость только тогда заслуживает признания, когда, устранив излишние подробности, она не причиняет ущерба постижению смысла событий» [Там же, с. 58]. Аммиан, таким образом, прямо утверждает, что его целью было изложение истины, и что к ее поиску он прилагал специальные усилия. Однако такие заявления повсеместны в античной историографии и сами по себе не гарантируют точности в изложении фактов и объективности оценок [6, с. 134].

И. Е. Ермолова приходит к заключению, что степень объективности Аммиана как историка «весьма высока», а факты, сообщаемые им, – достоверны. Однако в тех случаях, когда Аммиан повествует о людях, с которыми был тесно связан или которым симпатизировал, то он не в силах преодолеть личные пристрастия, и поэтому умышленно излагает события в выгодном для них свете, допускает, если это необходимо, преувеличения и одностороннюю интерпретацию произошедшего [Там же, с. 142].

В качестве примера, иллюстрирующего этот вывод, И. Е. Ермолова приводит сообщения Аммиана о деятельности магистра конницы Урзицина, под командованием которого, как уже отмечалось, будущий историк начинал свою службу в армии. По мнению ряда исследователей, эти описания в «Деяниях» занимают куда больше места, чем они того заслуживают [Там же, с. 138]. И. Е. Ермолова отмечает, что уже одно «гипертрофированное внимание» к ним Аммиана вызывает вполне обоснованные сомнения в его беспристрастности [Там же]. Расположение к своему командиру заставляет Аммиана обвинять императора Констанция II (337-361 гг.) в недоброжелательном отношении к Урзицину [Там же] и видеть скрытый злой умысел во всех его действиях в отношении магистра [Там же, с. 139]. Таким образом, историк стремился показать, «что авторитет Урзицина в войсках был столь велик, что Констанций II опасался узурпации» [Там же, с. 140].

И действительно, желая героизировать образ магистра, Аммиан умалчивает о некоторых деталях, которые, несомненно, были ему известны. Так, он предпочитает не говорить о совместных действиях цезаря Юлиана и Урзицина [Там же, с. 141]. Как полагает И. Е. Ермолова, это указывает на то, что Аммиан «оказался в очень трудном положении, так как ни в коей мере не хотел уронить авторитет ни того, ни другого, а какие-то трения, возникшие в их отношениях, чрезвычайно затрудняли осуществление основного принципа «Деяний» – не допускать ни малейшего искажения правды ложью и умолчанием» [Там же].

В целом, аргументация И. Е. Ермоловой выглядит вполне убедительно, и ее вывод о том, что Аммиан не мог избежать пристрастности по отношению к людям, с которыми его связала судьба, подтверждается. Впрочем, автор «Деяний» и сам, порой, не скрывает этого факта [1, с. 85]. Вместе с тем, нельзя решительно все списать на особенности его стиля. Некоторые исследователи допускают, что неточности и ошибки, встречающиеся в тексте «Деяний», есть всего лишь отражение специфики деятельности Аммиана во время военной службы. Выше уже отмечалось, что, согласно одному из замечаний самого историка, он входил в состав корпуса протекторов-доместиков, образовывавших свиту высших офицеров. Именно эта штабная деятельность и наложила особый отпечаток на характер материала, собранного Аммианом. Наглядное доказательство этой гипотезы Н. Остин видит в подробном описании наступательной операции, спланированной Юлианом против персов. По мнению исследователя, сделать его мог только человек, хорошо понимавший суть проводимого маневра и обладавший информацией, которая позволила бы ему составить представление об общем ходе кампании [16, р. 12-17]. Полевому офицеру было бы гораздо сложнее даже приблизительно изложить ход кампании, так как он был бы озабочен другими, более частными, проблемами.

Ответ на вопрос, был ли Аммиан кадровым офицером, для нас очевиден: он был потомственным военным и провел на службе в армии не менее 10-ти лет. В тексте «Деяний» присутствуют многочисленные свидетельства Аммиана, оказавшегося по воле случая в эпицентре исторических событий. Он знает точные титулы офицеров и военачальников, приводит весьма ценные детали, касающиеся отдельных воинских частей. Война для него – это живая и повседневная реальность, офицеры – товарищи по оружию, и он часто называет имена тех из них, кто отличился в сражении или пал в бою [29, р. 389]. Аммиан никогда не стремится подробно рассказать об иерархии воинских званий или структуре подразделений: для него, в отличие от нас, подобные детали представлялись очевидными и не заслуживающими особого внимания.

Бесспорно, образованный и воспитанный на образцах классической литературы грек очень часто одерживал в Аммиане верх над холодным рационализмом римского офицера. Сам Аммиан видел главную задачу историка не только в том, чтобы правдиво изложить произошедшие события, но и в том, чтобы это было сделано подобающим языком и в надлежащей манере. Вместе с тем, многолетний опыт военной службы и непосредственное участие в военных действиях – вполне надежное доказательство того, что Аммиан не был дилетантом в военном деле, и сведения, сообщаемые им, могут считаться достоверными и надежными [18, p. 102-103]. Если у него не было возможности составить описание по собственным воспоминаниям или сделанным ранее записям, то он использовал только тщательно проверенные источники. Но не следует забывать, что будущий историк был штабным офицером. Его представление и знания о войне должны были заметно отличаться от тех, которыми обладал полевой офицер. Поэтому он мог быть некомпетентным во многих вопросах, непосредственно связанных со строевой службой. Этим, в частности, можно объяснить его весьма туманное описание метательных машин, которое он, к тому же, мог позаимствовать из других источников.

Не стоит ожидать от Аммиана детальных описаний элементов вооружения, построений армий, тактических приемов и сражений, свидетелем которых он не был. Позднеримская военная система была настолько сложным и многогранным организмом, что слово *miles* (воин), которым называет себя Аммиан, могло обозначать не только участника прямых столкновений с противником, но и человека, связанного с армией, обладавшего узкоспециальными знаниями и не принимавшего непосредственного участия в боях.

Принципиально важным представляется, что в тех случаях, когда мы можем проверить сообщаемую Аммианом информацию, сравнивая его текст с данными других источников, подобный контроль чаще всего подтверждает точность и правдивость сведений Аммиана, что позволяет нам с полным основанием считать его труды одним из лучших позднеантичных исторических источников, особенно когда речь идет о римской армии или военной системе в целом [6, с. 134; 13, с. 39; 27, p. 38].

Список литературы

1. **Аммиан Марцеллин.** Римская история / пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. СПб.: Алетей, 1994. 570 с.
2. **Банников А. В., Шмидт Г. А.** Военная терминология у Аммиана Марцеллина: проблемы интерпретации // *Studia Historica*. М., 2012. Т. XII. С. 168-173.
3. **Банников А. В., Шмидт Г. А.** *Miles et scriptor rerum*: проблема достоверности сведений по военной истории у Аммиана Марцеллина // *Нартекс. Byzantina Ukrainensis*. 2013. Т. 2. С. 27-47.
4. **Герцман Е. В.** Музыка древней Греции и Рима. СПб.: Алетей, 1995. 336 с.
5. **Дельбрюк Г.** История военного искусства в рамках политической истории: в 4-х т. СПб.: Наука; Ювента, 1994. Т. II. Германцы / пер. Л. Гринкруга, В. Авдиева. 280 с.
6. **Ермолова И. Е.** Отношение Аммиана Марцеллина к труду историка: теория и практика // *Вестник древней истории*. 2008. № 4. С. 131-142.
7. **Кареев Д. В.** Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города» / науч. ред. И. В. Кривушин. СПб.: Алетей, 2004. 250 с.
8. **Кулаковский Ю. А.** Введение // Аммиан Марцеллин. История / пер. Ю. А. Кулаковского, А. И. Сонни. Киев: Типогр. С. В. Кульженко, 1906. С. XI-XXXII.
9. **Лукомской Л. Ю.** Аммиан Марцеллин и его время: вступительная статья // Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб.: Алетей, 1994. С. 5-21.
10. **Марциал М. Валерий.** Эпиграммы / пер. Ф. А. Петровского. СПб.: Алетей, 1994. 447 с.
11. **Рейнс Ф.** Боевые слоны в военном деле поздней античности / пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // *Para bellum*: военно-исторический журнал. 2008. № 29. С. 5-30.
12. **Рейнс Ф.** Боевые слоны в военном деле поздней античности / пер. А. А. Черепановой; под ред. А. К. Нефёдкина // *Para bellum*: военно-исторический журнал. 2008. № 30. С. 31-52.
13. **Удальцова З. В.** Мироззрение Аммиана Марцеллина // *Византийский временник*. 1968. Т. 28. С. 38-59.
14. **Флавий Вегетий Ренат.** Краткое изложение военного дела // *Греческие полиоркетик. Вегетий* / пер. С. П. Кондратьева. СПб.: Алетей, 1996. С. 152-295.
15. **Фукидид.** История / пер. Ф. Г. Мищенко и С. А. Жебелева под ред. Э. Д. Фролова. СПб.: Наука; Ювента, 1999. 590 с.
16. **Austin N. J. E.** *Ammianus on Warfare: An Investigation into Ammianus's Military Knowledge*. Bruxelles: Latomus, 1979. Vol. 165. 171 p.
17. **Cascarino G.** *L'esercito Romano. Armamento e organizzazione*. Rimini: Il Cerchio Iniziative Editoriale, 2008. Vol. II. Da Augusto ai Severi. 350 p.
18. **Crump G. A.** *Ammianus and the Late Roman Army* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1973. Vol. 22. № 1. P. 91-103.
19. **Feugère M.** *Les armes des Romains de la République à l'Antiquité tardive*. Paris: Errance, 2002. 296 p.
20. **Fornara C. W.** *Studies in Ammianus Marcellinus II: Ammianus' Knowledge and Use of Greek and Latin Literature* // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1992. Vol. 41. № 4. P. 420-438.
21. **Le Bohec Y.** *L'armée Romaine sous le Bas-Empire*. Paris: Picard, 2006. 256 p.
22. **Liebeschuetz J. H. W. G.** *Pagan Historiography and the Decline of the Empire* // *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity: From the Fourth to Sixth Century A.D.* / ed. Gabriele Marasco. Leiden: Brill, 2003. P. 177-218.
23. **Meucci R.** *Roman Military Instruments and the Lituus* // *The Galpin Society Journal*. 1989. № 42. P. 85-97.
24. **Müller A.** *Militaria aus Ammianus Marcellinus* // *Philologus*. 1905. Bd. 64. S. 573-632.
25. **O'Brien P.** *Ammianus Epicus: Virgilian Allusion in the "Res Gestae"* // *Phoenix*. 2006. Vol. 60. № 3/4. P. 274-303.
26. **Rowell H. T.** *Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Roman Empire*. University of Cincinnati, 1964. 53 p.

27. **Sabbah G.** L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Les sources littéraires // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I: actes du Congrès de Lyon (12-14 septembre 2002) / rassemblées et éditées par Y. Le Bohec et C. Wolf. Lyon, 2004. P. 31-42.
28. **Thompson E. A.** The Historical Work of Ammianus Marcellinus. L.: Cambridge University Press, 1947. XII+145 p.
29. **Vogler Ch.** Les officiers de l'armée romaine dans l'oeuvre d'Ammien Marcellin // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut Empire: actes du Congrès de Lyon (15-18 septembre 1994) / rassemblés et édités par Yann Le Bohec. Paris, 1995. P. 389-404.

AMMIANUS MARCELLINUS AND PECULIARITIES OF HIS HISTORICAL METHOD

Bannikov Andrei Valer'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg State University
elephantomasha@mail.ru

"Deeds" by Ammianus Marcellinus is the most important literary source of the IV century. Data that were used by Ammianus were carefully selected and tested. A part of them is based on his personal recollections, another part was obtained from official documents or the writings of the witnesses and direct participants of the events. At the same time the specificity of the future historian's staff service left a mark on all of his narrative making Ammianus avoid the detailed descriptions of the army actions in the battlefield, which we would expect from a field officer.

Key words and phrases: Ammianus Marcellinus; The Roman Empire; domestics-protectors; Orivazy's memorandum; gold wreaths; onager; military terminology.

УДК 94(37).08

Исторические науки и археология

В эпоху поздней Империи в римской армии большую роль играли auxilia, выполнявшие на полях сражений те же тактические задачи, что и легионы. Предполагается, что со времен Константина I ауксилы, вербовавшиеся из среды чужеземных варваров, стали основным типом воинских формирований. Впрочем, литературные и эпиграфические данные позволяют сделать вывод, что, хотя количество германцев в армии Константина было велико, это не означало того, что все они были иноземными наемниками, а отряды, составленные из них, занимали особое положение в структуре римских вооруженных сил. Вместе с тем, многие из ауксильев вполне заслуженно пользовались в IV столетии известностью и считались одними из наиболее боеспособных подразделений в римской армии.

Ключевые слова и фразы: Римская империя; римская армия; Константин; германцы; галлы; варвары; ауксилы; легионы.

Банников Андрей Валерьевич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
elephantomasha@mail.ru

ЭЛИТНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПОЗДНЕРИМСКОЙ АРМИИ (ЧАСТЬ 1)[©]

В I в. н.э. в помощь легионам всегда придавались различные *auxilia* – вспомогательные подразделения (алы и когорты), сформированные из перегринов, то есть лиц, не имевших римского гражданства. Численность таких отрядов была различной. Алы обычного состава (*alae quingenariae*) насчитывали около 500 всадников. Каждая ала состояла из 16 турм; турма делилась на три *декурии* по 10 человек; во главе турмы стоял *декурион*. Алы двойной численности (*alae milliariae*) состояли из 24 турм по 42 всадника в каждой. Всего около 1000 человек. Алой обычного состава командовал офицер в звании *префекта*. Алой двойной численности – *трибун*.

Вспомогательные пехотные подразделения образовывали когорты обычной численности (*cohortes quingenariae peditatae*), состоявшие из шести центурий (ок. 500 человек), и двойные когорты (*cohortes milliariae peditatae*) – из десяти центурий (ок. 1000 человек) [10, с. 34; 16, р. 13]. Существовали также когорты смешанного состава – *cohortes quingenariae equitatae*, насчитывавшие 380 пехотинцев и 120 всадников и *cohortes milliariae equitatae* по 760 пехотинцев и 240 всадников [20, р. 55-58].

Когорты, как правило, были подчинены римским офицерам, организованы по римскому образцу и вооружены римским оружием. Когорты обычного состава подчинялись *префекту*, помощником которого был первый центурион. Когорты двойной численности находились под командованием *трибуна* [10, с. 35; 19, р. 23-24]. В каждый из манипулов когорты могло быть включено определенное количество римских солдат, проводивших обучение новобранцев и служивших им примером для подражания [9, с. 341]. Вместе с такими отрядами (пешими и конными) численность легиона практически удваивалась [9, с. 117; 12, с. 83].